

ТАНЯ ЛОСКУТОВА

НЕ О ЛЮБВИ

ОБЛИК
СП6 2003

ТАНЯ ЛОСКУТОВА

НЕ О ЛЮБВИ

Первая книга стихов

**ОБЛИК
СПб 2003**

ББК 8Р1

Л79

Л79

Лоскутова Т. М. Не о любви. Стихотворения.
СПб. «Облик», 2003. — 56 с.

Оригинал-макет:
Н. Донская

*Настоящее издание отпечатано в количестве
45 экземпляров,
из которых 39 иллюстрированных и 6 рилеистой тиражи
в продажу не поступают.*

ЭКЗЕМПЛЯР

НАДИ ТАРАБРИНОЙ

© Т. М. Лоскутова. 2003
© «Облик». Оформление. 2003

ISBN 5-85976-238-0

Полине

Я - иноходец. Я хожу иначе.
Иначе сплю. Иначе ем овёс.
Гляжу не так. А если так, то значит,
Меня нельзя и принимать всерьёз.

Я – иноверец. Нет, совсем не верю...
Не верю в веру, в прочую муру.
В запрет не верю. И не верю в двери,
Что вечно заперты. А это не к добру...

Я – иностранец. Думаю про страны,
В которых я не буду никогда,
А думаю, что буду. Это – странно.
И без меня бегут мои года.

И без меня всё в мире происходит.
И без меня уже который год
На Белом Море белый снег не сходит.
Иной там снег. Он больше не сойдёт.

Иносказанье я. Я – идиома.
Я – ино-что-то в чувствах и делах.
Я – иномысль. И даже по-иному
Я отражаюсь в разных зеркалах...

* * *

Чтоб сохранить живую душу,
Любую заповедь нарушу.
Но вот, с которой бы начать?

Как мне, не ведая надежды,
Сорвать постылые одежды
И обнажённой не предстать?

Как мне моё живое чувство
Так сублимировать в искусство,
Чтоб, показав, не показать?
Как мне пред зрителем пытливым
Предстать крылатой половиной,
И не соврать?

И, замысел срывая божий,
Как, на холсте среди шляпок, ножек,
Мне скрыть наличие острых рожек,
И не пропасть?

Рите А.

Сваляем,
бабы, на бегу
Хотя бы бабу.
В снегу ль, в стогу, на
берегу,
Под баобабом.

Из ничего, из чепухи,
из разговора.
Сваляем, бабоньки, стихи
и много вздора.

Свалять бы, бабы, абы как
Хоть дурака бы...
Нам на троих - один дурак,
Ему-три бабы...

Вот дерево качнулось за окном.
Какое? Мне мешают видеть слезы.
Но для стиха вполне сойдёт берёза.
Не выдумай я слез, мне подошёл бы клён.

А я гляжу в окно. И непогоде рада.
Ведь в день погожий стих совсем иной.
И я не говорила бы с тобой (верней, с собой),
И стих корявый мне б не стал наградой.

Наградой за томленье и разброд,
Смятенье в мыслях, в голове и в теле,
За то, что нет меня на самом деле,
А всё вокруг, наоборот, живёт.

И жизнь дала берёзе и окну я,
И ничего незначащим предметам.
И нарекла сама себя поэтом.
Я не стыжусь. Ведь я – не существую.

Не на моих ресницах тает тушь.
Законы физики – для тех, кто существует,
Сосуды, что сообщаются – пустуют:
Иллюзия общающихся душ.

Я не живу. Но вечный диалог
Веду с собой. На что-то отвечаю
И даже головой (которой нет) качаю,
Переступив небытия порог.

А иногда я роли раздаю
В своих же драматических этюдах.
И я слежу откуда-то оттуда
Как строю и крушу я жизнь твою.

Крушу я ночью, строю – по утрам.
Создавшей, мне, и разрушение сладко.
Весь мой театр – открытая площадка,
Нет, поле, что открыто всем ветрам.

Я поле частым обнесу забором
Ненужных слов и пустяковых дел,
И мелкой суетой, чтоб ты не разглядел
Абсурдный мой театр для одного актёра.

НЕ О ЛЮБВИ

Акварель

Как скошу я взгляд на вещи,
Так скосится всё кругом:
Дождик, мостик, сон мой вещий,
Небо, речка под мостом.

Серый дождик нарисую
И фигурку на мосту,
И мечту свою косую,
Ни о чём свою мечту.

Нет перил, чтоб опереться,
Мост рассыпаться грозит,
Если лучше присмотреться,
Дождь косит и мост косит.

Облака плывут, как вата.
Облакам нельзя косить.
Но фигурка косовата,
Если честно говорить.

Серый дождик – дождик просто,
А фигурка – это я.
А мечта – так это остов
От бывшего корабля.

Я на мир глаза косила.
На меня мир глаз косил.
Я косила, что есть силы,
Но у мира больше сил.

Я спрямила взгляд на вещи,
И спрямилось всё кругом:
Дождик, мостик, сон мой вещей
И фигурка... под мостом.

* * *

Ф.

Ох, как труден путь с Татьяной.
Будь ты пьян или не пьян,
Не ищи во мне изъяна,
Я сама себе изъян.

Я – сама в себе заноза.
Я – себе кошмар сама,
Позитивности – угроза,
Благодушию – чума.

Неумелая грязнуля,
Недомать, недожена...
Недовымыты кастрюли,
Недовсё, что я должна...

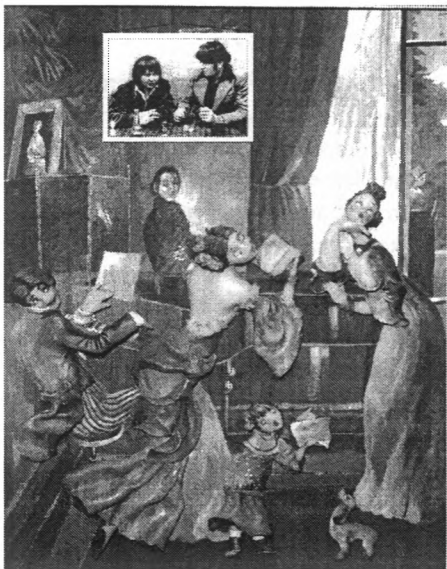
После каждой вечеринки
Что мне делать, милый мой?
То ли – спрятаться в картинки,
То ли – в омут головой?

Злое стихотворение

Веселье я найду в тоске.
Мне жарко будет на морозе.
Я прозу люблю в стихе
И стих возненавижу в прозе.

Надену красное пальто
И, объявив его зелёным,
Куплю речей фальшивых том,
К своим врагам явлюсь с поклоном.

Друзей предам по одному.
Обижу на углу девчонку.
И заведу себе болонку.
И сладость чёрных дел пойму.

* * *

Я хочу рассказать, почему я не пишу стихи о любви.

Я не знаю, почему не пишут о любви те, кто пишет про всё остальное. Но я так люблю саму любовь, что эта тема — просто повод сделать в прозе то, что я не добрала в стихах.

Я влюбляюсь в каждого любящего. И готова полюбить того, кого сильно любят. Потому что в этом направленном луче я увижу то, о чём не догадывалась раньше. И если бы не моё равнодушие к физике, можно было бы поговорить и об отражённых лучах.

Вместе с тем, я готова полюбить и того, кого не любит никто, потому что уже знаю, что лучшее в нём скрыто до тех пор, пока его не полюбили остальные. Ликование моё при любых проявлениях любви носит характер лёгкой паранойи. Я влюбляюсь в какую-нибудь

глупую тётку, которая нудно и неинтересно рассказывает о своей собаке. Сначала, конечно, я её ненавижу. Потому что, как это можно: неинтересно! о собаке!

Но уже через минуту я люблю эту тётку так, как будто держу на ладони её сердце, разрывающееся от любви к своей собаке.

Когда мне не рисуется, не читается, не думается и не дурачится – я становлюсь мнительной: «Вот уже два часа никого и ничего не люблю! Так ведь и помереть недолго!» Я вытаскиваю из-за дивана свою кошку и несколько минут напряжённо и сосредоточенно заставляю себя любить её чуть больше, чем обычно. Кошка равнодушно смотрит в сторону. И правильно делает. Потому что, не реагируя на меня так часто, как мне хочется, она проживёт намного дольше, чем ей положено. В любом вопросе меня интересует, имеет ли это отношение к любви. Без неё я тупею и перестаю ориентироваться в пространстве. Не

сомневаюсь, что все великие открытия были сделаны в состоянии любви. Даже если сам открывший об этом и не догадывался. Уж теория относительности – это точно. И если бы Эйнштейн мне поведал подробно, в деталях, чем и кем было занято его сердце в этот момент, – я, безусловно, смогла бы разобраться и в самой этой теории.

В Москве у меня была знакомая, которая по ночам ходила в заочный институт марксизма-ленинизма в кинотеатр «Уран». На самом деле, под видом этих занятий там были закрытые просмотры западных порнофильмов. По выходным, за своей долей получения удовольствия от её удовольствия, приходили друзья. И аккуратно, не пропустив ни одного раза, приезжала из дома престарелых её бабушка, бывшая актриса. Она сидела, не шевелясь, на краешке стула, и в самых горячих местах рассказа спрашивала взволнованно: «А... играли хорошо?»

Я отличаюсь от той бабушки только одним. Чтобы вставить свой вопрос:

«А она его любит? А они это любят? А я это смогла бы полюбить?» – мне не нужны пересказы любовных сцен.

Я вставляю свои вопросы в отчёт мужа о поездке в библиотеку «Брандайза». А будет он мне рассказывать о Лакане, о новой тракторке редкого французского оборота или о тикете на парковке, – значения не имеет. И неважно, что именно он источник моей любви. Когда любовь к нему перехлёстывает через край, она огромным потоком устремляется на всё остальное: на холсты, на друзей, на фонарь под окном, на мои воспоминания, на вздорную передачу, и даже на саму себя.

Сейчас ночь. Муж на дежурстве. С годами я становлюсь застенчивее. И вместо того, чтобы в одиннадцатый раз позвонить ему на работу и сказать, как я его люблю, я сяду писать ему стих. О том, что у меня под рукой, в голове или перед глазами. Например, о моей новенькой точилке для карандашей. Выходит, у меня не только

искажённый взгляд на мир, но и на мои стихи. Я живу в прекрасном заблуждении, что все они – о любви. Разве может быть не о любви то, что рождено любовью? И если стихи – это непрямоговорение, то, может, то же самое и с любовью – не всегда прямочувствование? А теперь – стишки о том, что у меня под рукой и перед глазами.

Стих о точилке:

Н.С.Б.

Беру точилку, чуть дыша...
Нет под рукой карандаша!
Есть под рукой один носок,
Пять зажигалок, поясок
От платья тесного давно.
Какое скучное кино!
Я ненавижу темы эти,
Мечты о лете и диете,
И обещанье, что опять
Пообщаю я гулять,
И жизнь начну с конца другого..
Но где же заданное слово?
Какой там нынче был предмет?
И от чего спасенья нет?
Ах, от любви? Большое дело!
Я в этом, как ни в чём, умела.
Я с ней живу, встаю, дышу.
Про это я и напишу!
Туп карандаш, но, прочь волненье!
Мне эта тема так близка...
И, дрогнув, вывела рука:
«Я помню чудное мгновенье»...

Оборотившись к книжной полке

На книжной полке вкривь и вкось –
Всё, что собрать мне довелось.
Стоит, названьями маня,
Всё, что писалось до меня.
Когда б не это (боже мой!),
Пришлось бы всё писать самой!

Иль в ночь, в которую не спится,
Я б рисовала на страницах,
Что так заманчиво чисты.
И кружевами на листы
Легли бы оды и сонеты,
Японских танок скрытый смысл,
Иль грандиознейшая мысль
Полузабытого поэта.

И даже, поздно или рано,
Я б «дописалась» до Корана.
А если б очень повезло,
Я Губерману бы назло
Писала б гарики в рядок,
И в строчку то, что между строк...

Сменяли бы хорей ямбы...
Мне спать пора. А то бы, я бы...
Стоит кровать, меня маня,
Душа признательностью дышит
Всем, кто меня, увы, не слышит,
Кто поработал за меня.

*Фрэмिंगэм.
18 апреля 2002 г.*

ДРУЗЬЯМ

Друзьям

*Рассудочность – вот первородный грех.
Душа, едва успевшая родиться,
В полёте не успеет распрямиться,
Как здравый смысл одерживает верх.*

*Но это там, где дружбы смысл утерян.
У нас же – всем законам вопреки –
Из воздуха слагаются стихи,
И танцы так над пропастью легки,
И нежность нам отмеривает время.*

Я тебя ревную горько, –
Будь то Кирка или Борька,
Или весь твой Нижний Горький, –
Я устала ревновать...

Но ревную неустанно.
Я однажды, видно спьяну,
Ревновала аж к Натану,
Адвокатова ты мать!

Я тебя ревную к книжке,
Кнопкам, дискам, даже к «мышке»,
И к негодному мальчишке,
К пустоте и суете...

Пред моим ревнивым взором
Ты и Маша с монитором
За неспешным разговором
Занимаетесь не тем.

Возмущаюсь я, в натуре,
Всё б тебе, несчастной дуре,
По своей клавиатуре
Тонким пальчиком стучать.

Возникает здесь вопросик:
Где тебя поутру носит,
Вместо встать, попудрить носик,
И ко мне скорей бежать?!

Счастливые не смотрят на часы...
Не верь, подруга, байкам глупым этим.
Всех заблуждений и не счесть на свете.
Куда ж смотреть? Неужто, на весы,
Что взвешивают счастье так неверно,
Так скупое, и не тем, и не тогда?...
Летят над нами взвешенно года
И взвешенные радости, наверно...

И взвешанная мысль, что есть черёд
Всему на свете: вёснам, зимам, летам,
И нужно помнить нам всегда об этом...
Ах, милая, давай наоборот!

Давай, назначь-ка зиму на апрель,
А лето – на ближайшую субботу.
И захвати внучонка на работу.
И вместе полюбуйтесь на капель...

Найдите гриб под старым фонарём.
Под снегом – благородную фиалку.
Босым по снегу – весело и жарко,
Коль назовёте это летним днём!

А дома, чтоб опять набраться сил,
К часам каминным подойдите тихо.
На них – мои фигурки пляшут лихо...
Послушайте старинный клавесин.

И можно не смотреть на стрелок бег –
Ведь наша жизнь не в ведении стрелок,
Людей, богов, летающих тарелок...
Назначь себя счастливым, человек!

Иосиф ! Я рискну опять
Вас в женской теме воспевать.
Быть может, очень нежным душам
И не пристало это слушать ?

Писать могла б и о науке.
Но вы бы умерли со скуки.
Ваш человеческий талант
И так уже воспет стократ.

Писать как о примерном муже ? –
Легко, но тут талант не нужен.
Могла б упомянуть в конце
Как о счастливейшем отце.

Но даже в этот юбилей
Мне б не хотелось лить елей.
Оставим лучше на потом
Мы очевидностей поток.

И коль вы молоды пока
Любить мы будем мужика.
Тем более, для всех не ново,
Без женской темы – всё хреново.

Марусе Крутоус

Для многих лиц, личин и масок,
Что к нам приклеились давно,
В моей палитре хватит красок,
Но я б хотела, всё равно,
Сказать себе: И в самом деле,
Портрет лепи или пиши,
Но сделай, что б в тебя глядели
Из глубины глаза души.

И пусть материя первична,
Пусть ни при чём твоя душа.
Но в романтическом обличьи
Ты тоже дивно хороша.

Фрэммингэм.

Июль 2002 г.

*Марку К. – просветителю,
собирателю и человеку*

Ты собираешь всё подряд:
Открыток, книжек плотный ряд,
И, даже, люди говорят,
не брезгуешь деньгами.

Живёшь ты, словно бы ничей,
Не отдаёшь жене ночей,
А врёшь, что просто книгочей
И властвуешь умами...

Служить презренному тельцу
Интеллигенту не к лицу,
А также деду и отцу,
Не говоря о муже.

Ты с бабой – в первом этаже,
Второй – под «бабками». Уже
От денег тесно в гараже
И новый подпол нужен.

Не позавидуешь судьбе:
Сидишь в зашторенной избе,
Таганка плачет по тебе,
Бутырка плачет тоже...

Дорогу выбрал ты не ту.
Кому поведаешь мечту?
Лишь шестипалому коту
С невозмутимой рожей?

На эти деньги мог бы ты
Жене весь год таскать цветы.
Потом, устав от маеты,
И потускневших буден,

Сжечь за собою все мосты,
С друзьями пить до дурноты
И поверять свои мечты
Осоловевшим людям.

Хоть ты не Байрон, ты другой,
Своею думай головой,
И ты поймёшь... что перепой –
Он недопоя стоит.

Обижусь, после не зови,
А впрочем, чёрт с тобой, живи,
Коль ты предмет моей любви –
С тобой я выпью стоя.

*Июнь 2001 г.
Фрэмингэм.*

Другу, ставшему вегетарианцем.

МаркуЛаско

Бежать от старости – задача непроста.
Нежнеет то, что прежде было грубо:
Сперва алеют щёки и уста,
Потом полезет мудрость вместе с зубом...

Моложе стали тело и душа,
Уж и младенчество совсем не за горами...
(Хотя, признай, капуста хороша
Лишь в случае, когда «капуста» – money).

Не предавай дряхлеющих друзей,
Живущих от подушки до подушки.
Иначе на грядущий юбилей
Дарить тебе придётся погремушки.

Эротический пейзаж

Алле Денисенко

Смущает и волнует грудь
Твоя любовь к еврейской теме.
Но я рискую тем не менее
Создать иное что-нибудь.

Пускай в моей картинке вновь
Дома, деревья, камни. Даже
Старинной Англии пейзажи –
Тебе напомнят про любовь.

А я, всему живому внемля,
Рисую дальние поля,
Где небо падает на землю,

Где, сражены любви недугом,
Собаки тянутся друг к другу,
Где лошадь лошади подруга
И к небу тянется земля.

Февраль 2001 г.

Какие дивные слова:
Биробиджан, Алтай, Литва...
От них кружится голова
И в голове кружится.

Ирина-свет, Ирина-джан,
Здесь ни при чём Биробиджан,
Париж, Пекин и Ереван,
И прочие столицы.

Но слухом полнится земля
И знаю я, что (будь я бля...),
Ты всё брала чего-то для,
И был зачем-то нужен

Алтай, где мысли так чисты,
Литва, где люди непросты,
И Бостон, где любима ты
Не только умным мужем.

Опять в уме Биробиджан...
А впрочем, им супруг был дан.
Лукавый глаз, точёный стан –
Сибирское создание.

Твоих достоинств перечесть
Не хватит сил, но если есть
Среди них совесть, ум и честь,
Ты остановишь эту лесть
И весь поток сознания ?

02.2001

Мой милый друг ! Не верь тому, что рядом.
Есть тайный смысл во всем, что пред тобой.
Кто нас ведет? Кто ведает судьбой?
Звезда ль, повисшая над полусонным садом...

Иль дух, что превратился в виноград,
Что нежно-женски назван «Изабеллой»?
Иль добрый гном, живущий в спальне белой?
(Где и сатиру каждый был бы рад!)

Иль нечто, подарившее любовь,
Не требуя взамен живую душу,
С одним условием: только не нарушить
То волшебство, что станет вновь и вновь

Тебе являться в сотнях озарений –
Что также невозможно объяснить,
Как углядеть связующую нить
Меж запахом дождя и сменой настроений.

Непросто жить, всё сущее любя.
Но... не гони непрощенных сомнений.
Живи с душевным взором вглубь себя
И ты дождёшься дивных откровений.

07.2000

Другу

Моей синелазой Наташе

Скрещенье веток за окошком.
Река смиренна подо льдом...
Смиренна я. Смиренна кошка,
И, боже мой, с каким трудом
Я просыпаюсь понемножку.

Аутотренинг прост, но мил:
Сперва припомню всё плохое –
Больницы, пьянки, Сомервилль,
Как ужас после перепоя,
Как сказку, что страшней, чем быть.

Передо мною до сих пор,
Как сон в горячке малярии,
Орлиный португальский взор,
И получеловечий вздор,
И вопль из подпола: Мария !

И день от дня неотличимы,
И радость, что стремится прочь,
Бесперспективность перспективы,
Суицидальные мотивы,
И утро, что темней, чем ночь.

Но если был какой-то луч
В непривлекательном пейзаже,
И если что-то среди туч
Светило мне и грело даже,
И придавало смысл подчас
Моим бессмысленным движениям –
То это было выраженье
Твоих до боли синих глаз,
Предотвращавшее крушенье.

Твой взор холодным сроду не был.
Воспоминания любя,
В глазах твоих я вижу небо,
Когда плету я былъ или небыль,
И няней чувствую себя.

Когда наговорившись всласть,
Забыв, где я, в какой квартире,
Я засыпаю на Ривире,
Я над собою чую власть
И вновь с собой и с миром в мире.

Для моря нужные слова
Найду я следом за тобою...
Хваля же море поутру,
Я лицемерю, то-есть вру.
Что мне, знакомой с синевою,
Пустого моря синева ?

С тобой всегда мне жизнь длинна.
И за окном – что свет, что темень,
Что разговоров мелкотемье,
Что размышлений глубина?
Мы останавливаем время.

Кто говорит, что жизнь мудра?
Не нам обманывать друг друга.
Спешить туда нам не пора,
Где мудрость – старости сестра
И равнодушия подруга.

А если радость иль беда...
Что там нам дорого к обеду? –
Твоё коротенькое «еду»,
Моё восторженное «да»

02.2001.

ДВА КОЛЛАЖА

«Ах, что нам надпись на Иванове...»

Танюше

Коллаж за год
16.05 – 16.05

*Всё радует в тебе: и вздорность, и послушность,
И переимчивости детской простодушность,
И вольный бег руки над белою бумагой,
И нетерпенье жест перед хмельною влагой,*

*И действий простота, и ощущений сложность,
И самый дерзкий риск, и бабья осторожность,
И неуменье ждать, и выдержка без меры,
И дьявольский цинизм, и безоглядность веры,*

*И щедрость без границ, и склонность к аванюре,
И легкость странная в недевической фигуре,
И лень, и быстрый ум, и ветреность, и нежность,
И памяти твоей прелестная небрежность...*

Вита Вайнер

Витусе

Коллаж за неделю

Я за спиной ощущала крыла,
Когда в мою жизнь эта тема вошла.
Я мыслью парила и шила жакет,
Когда я впервые задумалась... Нет,

Когда предложили задуматься мне
О маленькой, полной загадок стране.

И чтобы сложить это стихотворенье,
Я предпочла чешую оперенью.

Я сердцем на запад, душой на восток.
О, сакура madre! Японский мой бог!

На выставке японской, чуть дыша
(Где залы убраны как раз в японском вкусе),
Случайно оказались мы с Витусей,
Из бани возвращаясь не спеша
(Витуся вызывала состраданье
Оторванная баней от вязанья).

Там, не боясь нанести душе урона,
Я грезила, не смысля ни черта...
(Прелестнейшая русская черта).
Японки, бледноликие матроны
И наши толстозадые матрены,
Востоковедши – гейшам не чета.

И я бродила, изредка скосив
Зеленый глаз на импортную вазу,
И доверяла почитанью слив
И не зевнула, кажется, ни разу
(У Виты разрешенья не спросив).
И удивляясь куклам всех мастей,
Я думала, что нынче жду гостей,
Что их кормить обрыдло колбасой,
Что у японцев все же взгляд косой...

И тут, гляжу, недалеко от входа –
Скопление советского народа.
Рефлекс сработал, я слилась с толпой,
(Узнав, конечно, кто из них последний),
Пролезла первой. (Это не впервой:
У нас не служат робким две обедни),
И вот стою пред самую стеной,

На коей удивительные речи
Вошли в мой воспаленный мозг картечью
(запущенной еще с Бородино)
О празднике, что празднуют далече
В Японии, где все подведено
Вод некий ритуал, что длится вечно
(Я это в клубе видела, в кино)
Там говорится: чтобы сильным быть,
На карпа нужно внешне походить.

Чтобы японец юный возмужал,
Ему не дарят так, как на Кавказе
Или у нас, в Монголии, кинжал.
Мужают там без наших безобразий,
Нет водки, драк и баб ни в коем разе, –
Культура, словом, старится душа.

Чтоб смелым быть и мужественным тоже,
Он сети должен бросить в океан
И посидеть с невозмутимой рожей,
Пока де заплывет в его капкан
Рыбец, шемая, жерех я тарань,
Усач, маринка, вобла и сазан -
Семейство карпа, если карп не может.

(Узнала я сегодня в гастрономе:
В прудах разводят карпов и у нас,
Чтоб приумножить силу в каждом доме
И увеличить армию зараз).
Ищу Витусю, чтоб узнать, не скрою,
Чем карп силен, что мечет карп икрою.
Гляжу, из разных пятен и полос
На совесть скроенный и сшит суровой ниткой
Как стяг державжный – дыбится колосс –
Гигантский карп, по виду очень пряткий
(Так думала Витуся, не дыша, –
Приучена оценивать искусство, –
Чуть издали, прищурясь, не спеша
(По воле моего карандаша).

Смотрели издали, а также и вблизи –
Уязвлены незнанием мы были
Возможно, что-то он символизир-
Ует, Но что? Мы близко подходили,
Мы подлезали под его живот,
Искали символ мужества и силы
(Карп, кстати, снизу тоже очень милый
Но там все то же, что наоборот)
И голову ломая: где ж оно,
Мы мерно теребила кимоно.

Японскую культуру я прошла,
Но музыку отвергнув по привычке,
Ломлюсь в искусство со своей отмычкой,
Что в жизнь вломиться мне не помогла...
И хаос в голове до лучшей доли –
Японцы, рис едящие без соли,
И ты, возвращенная на доремифасоли,
Твоей души два трепетных крыла...
Узнаю я, балет вообще зачем,
Обещано мне впредь знакомство о венгром...
Парю безмолвно с карпом на плече
Как голубь Пикассо в картине Энгра.

Для радости души твоей, Витусь,
Моих желаний я не счесть боюь.
Быть может, чтобы ты была счастливой,
Нам вырастить огромнейшую сливу
И променять, как в царстве, на коня...

(Как променяла, кстати, Утамаре
На твой шашлык на празднике Тамары)...

Двойник

*(на одной моей акварели - два моих «я».
Одно моё «я» - лежит почти бездыханно,
другое – прозрачное, смотрит на него,
не отражаясь в зеркале)*

С собою, дерзкая, играла
Не вняв ни сердцу, ни уму,
И смерть бесстрашно призывала
К живому телу своему.

Я оказалась утром ранним
И не в аду, и не в раю...
Ах, как мне весело на грани,
Ах, как мне страшно на краю!

Я в изумлении глядела
Как спит двойник мой, не дыша...
Насколько было это тело
Спокойней, чем моя душа.

Моё ж спокойствие кричало:
О, не пора менять. Творец,
Моё греховное начало
На этот праведный конец!

Я попрошу ещё отсрочку,
Я поменяю свой билет,
Моя астральная сорочка
Тесней, чем платье юных лет!

Мне не поверить в жизни оной
В освободившееся «я»,
Как не постигнуть эмбриону
Всю многогранность бытия.

Как тело мне подходит статью,
Как сердце радостно стучит,
И ринусь я в свои объятия,
И нас никто не разлучит!

Вновь потянусь к запретной двери,
Возненавидя белый свет,
Взглянуть на то, во что не верю,
Поверить в то, чего там нет.

* * *

Погоды ветренность сулят...
И я, внимая предсказаньям,
Лечу с горы своих желаний
Уже который год подряд.

А склон горы так скор, так крут,
А воздух – полностью разрежен,
И ветер так по-женски нежен,
И так же по-солдатски груб.

В моём пареньи есть нюанс.
В моём паденьи – не разбиться.
Оно, прервавшись, вверх стремится,
Как будто Малера каданс.

Я, сочиняя этот стих,
Капусту на зиму солила.
Я тоже ветренность сулила
Да ветер к ночи подутих...

05.2000

Содержание

Я - иноходец. Я хожу иначе. ..	5
Вот дерево качнулось за окном...	6
Сваляем, бабы, на бегу ...	7
Чтоб сохранить живую душу...	8
Злое стихотворение	10
Ох, как труден путь с Татьяной...	11
Акварель	12

НЕ О ЛЮБВИ

Я хочу рассказать...	17
Стих о точилке:	22
Обратившись к книжной полке	23

ДРУЗЬЯМ

<i>Друзьям</i>	26
<i>Евгении Павловской</i>	27
<i>Свете Дрезниной</i>	29
<i>Иосифу</i>	31
<i>Марусе Крутоус</i>	32
<i>Марку Куперу</i>	33
<i>Марку Ласко</i>	36
<i>Алле Денисенко</i>	37
<i>Ире Ф.</i>	38
<i>Фиме К.</i>	40
<i>Наташе</i>	41

ДВА КОЛЛАЖА

Танюше (<i>Вита Вайнер</i>)	46
Витусе	47
Двойник	52
Погоды ветренность сулят...	54

В издательстве «ОБЛИК» в XXI веке
вышли следующие книги

Вадима Федорова:

Рассказы у костра. Дурацкие рассказы.
Абсурды. Летящие к северу.
Поэтическая азбука «От А до Я»
Стихотворения.

(Тираж ограничен)

Эти изящно оформленные иллюстрированные книжки
дополняют выпущенные ранее издательством

«Книга и бизнес»

три томика произведений автора:

Пентакль Альдебарана.
Обыкновенные волшебные часы.
Сказки грустного человека.

Ограниченным тиражом вышли миниатюрные книги

Вадима Федорова:

Стихи. 4-я книга. Четверостишия.
Поэтическая азбука.

Нины Орешенковой
Стихотворения

Олега Ефремова:
Стихотворения.

Галины Воронцовой:
Плету я кружево из слов.

Юрия Кашина:
Стихотворения

Татьяны Лоскутовой:
Не о любви.

